

Предательские ноты уже расставлены, осталось лишь дожидаться, когда марионетка, угодившая в капкан, откроет рот для пения.

— Я что, обмочился?

Чистый, исполненный изумления голос взорвался в сознании Лусыэня. Вместе с ним нахлынула буря эмоций новорожденной Матери насекомых: непонимание, растерянность, шок, стыд...

В тот миг Лусыэнь ощутил себя мусорным баком, в который свалили все чувства существа, еще не умеющего контролировать ментальную связь. Помимо охватившего его хаоса, Лусыэнь чувствовал лишь острое желание растереть виски, однако внимание его невольно приковала суть этого восклицания.

Высшее насекомое с длинными серебристо-белыми волосами нахмурило красивые брови. Пальцы в кожаных перчатках покоились на массивной золотой пряжке ремня, и длинные ногти нервно постукивали по металлу:

— Неужели это недержание... вызванное какой-то физиологической патологией?

— Что? — Апу, стоявший поодаль, замер. На его обычно невозмутимом лице промелькнуло удивление.

— Ничего, — Лусыэнь покачал головой. Он откинулся на спинку кожаного кресла, но мысли, подстегнутые ментальной связью с Матерью, невольно вернулись к недавнему видеозвонку с Айвэй и Ангэсу. Он спросил: — Апу, ты видел это в тот день?

— В тот день? — Апу на мгновение замешкался, но тут же спохватился: — Видел.

— И что думаешь?

Средняя продолжительность жизни обычного представителя расы насекомых составляет триста лет, но для Высших насекомых этот срок куда дольше — настолько, что истинный предел их жизни невозможно вычислить. Апу служил Лусыэню уже долгие годы, но за все это время сам Лусыэнь ничуть не изменился. Если уж говорить откровенно, его мощь стала лишь более непостижимой.

— В конце концов, это природа любого насекомого... А что еще ты слышал о Матерях? — Лусыэнь заинтересовался. — Если память меня не подводит, в твоём возрасте ты еще не застал предыдущую Мать?

Лусыэнь задумчиво постучал пальцами по краю коммуникатора. В голове всплыло древнее, давно забытое понятие — Мать насекомых с королевской кровью.

Апу замялся, подбирая слова, и слегка склонился:

— Вы об этой новорожденной Матери, господин?

Лусыэнь бросил взгляд на экран. На первый взгляд жидкость казалась прозрачно-серебристой, но он подсознательно знал: при нормальном освещении, без тени облаков, эти вязкие капли должны отливать золотом, словно жидкий металл, в котором искрится мельчайшая пыльца. Он отчетливо видел нити слизи, тянущиеся от хвоста Матери к конечностям Пчелы-насекомого.

Лусыэнь замер. На мгновение ему показалось, что он коснулся каких-то стертых, туманных воспоминаний, но чувство ускользнуло так быстро, что поймать его не удалось. Осталось лишь легкое зерно сомнения, поселившееся в сердце.

— М-м.

Лусыэнь прищурился, глядя в иллюминатор на медленно проплывающие мимо метеориты и планеты. По мере приближения к планете №062 жизненная энергия Матери и ее влияние на него, казалось, усиливались, переходя в нечто невероятное и в то же время пугающе реальное.

— О? И что же он говорил? — Хотя Лусыэнь уже догадывался, он все же спросил.

— Лицемерный, тщеславный, низкий, омерзительный.

Четыре слова, каждое из которых было пропитано ядом. Легко представить, насколько сильно Ангэсу ненавидел свою предшественницу.

Но Лусыэнь знал: эта Мать совсем не так безобидна, как кажется. Неужели это новорожденное существо тоже унаследует королевскую кровь?

Вернувшись в реальность, Лусыэнь поднял взгляд на Апу:

— ...Что ты сказал?

Словно он уже видел это когда-то...

Апу помедлил и добавил:

— К тому же, в первую же секунду, когда я увидел эту Мать, мое сердце и разум подсказали мне, что его нужно оберегать.

Лусыэнь издал короткий звук, подтверждая, что услышал. Он ловко коснулся коммуникатора, открыл общий экран с Айвэй и увидел маленькую Мать, придавленную конечностями Пчелы. Существо задрало хвост и выглядело каким-то глуповатым и заторможенным.

— Да, — Апу снова повторил: — Господин, мне кажется, эта Мать не так плох. На той записи он выглядит хрупким, но стойким. Он совсем не похож на тех Матерей, о которых я слышал раньше...

После того как он увидел кадры, переданные Пчелой-разведчиком, жажда убийства, таившаяся в глубине его души, уже не была такой острой.

Влияние Матери на расу насекомых всегда было колоссальным, а влияние Матери с королевской кровью — тем более. Лусыэнь опасался, что его собственная природа сделает его заложником статуса Матери, но он не ожидал, что это воздействие окажется настолько сильным.

Лусыэнь провел перчаткой по экрану. Слежка за планетой №062 продолжалась. Он смотрел на мешковатую одежду Матери, на мелкие ранки, на заживающий хвост, на чисто вычищенную пещеру.

Почему-то возникло странное чувство диссонанса. Неужели новорожденная Мать уже способен на такое? Даже если он считается особенным среди всех насекомых, не слишком ли это для начала?

Хотя, размышлял Лусыэнь, он сам не может определить границы этой особенности.

Тут Апу снова подал голос:

— Господин, что же тогда произошло...

С тех пор как Апу поступил на службу к Иньцзя, история о предыдущей Матери стала для Высших насекомых табу — неразрешимой загадкой, тень которой вечно висела над их расой. Апу не раз задавался этим вопросом.

— Тогда... — Лусыэнь усмехнулся одними уголками губ. — Кто бы мог подумать, что предыдущая Мать заявит, будто влюбился в человека, что ему нравится мир людей и что он презирает истинный облик насекомых.

Высшие насекомые обычно принимают человеческий облик, но иногда для удобства выпускают наружу части своего тела — усики, крылья, хвосты. Лусыэнь прекрасно помнил, как много лет назад Ангэсу показал свои алые крылья, едва сбросив старую оболочку. В тот же миг в него полетела чашка с кипятком. Ангэсу от неожиданности не успел увернуться, и его крылья получили ожоги, а Мать с отвращением кричала, чтобы он проваливал.

С тех пор Лусыэнь ни разу не видел, чтобы Ангэсу демонстрировал свои особенности.

Голос Высшего насекомого с серебряными волосами стал низким и холодным:

— Ради желаемой империи людей и возлюбленного, Мать выбрала предательство. Он отдал людям несколько наших ресурсных планет и с помощью ментального контроля заставил нас перебить друг друга. Когда все закончилось, он явился в империю как герой. Империя приняла планеты, а израненные насекомые, связанные договором о межзвездном мире, даже не имели права вторгнуться в звездный сектор Хэмонт, чтобы потребовать объяснений от человеческих правителей.

— Вся человеческая империя до сих пор уверена, что это был жест доброй воли...

— Просто щедрый дар предыдущей Матери, первый шаг к дружбе с людьми. — В голосе Лусыэня сквозила горечь. Для Высших насекомых этот «жест» был лишь низким подхалимством предателя. — А потом он женился на своем возлюбленном — принце империи. пышная свадьба, имя в королевских архивах, безграничная власть... Он получил все, но из-за предательства принца собственноручно убил его любовницу и ребенка, а затем исчез.

Зрачки Апу сузились, рука невольно потянулась к коммуникатору. Лусыэнь не заметил этого, продолжая говорить словно сам с собой:

— У Айвэй был старший брат, Могэ Цзиньи, лидер клана Цзиньи. По сравнению со мной, он был настоящим вождем: мягким, терпимым, ставящим общее благо превыше всего. Для нас с Ангэсу и Айвэй он был как брат. Но даже такой выдающийся лидер во время той войны был тяжело ранен, пытаясь защитить Мать, которая предала всю нашу расу. А потом эта самая Мать, которую он оберегал, нанесла ему удар в спину...

— Тот господин... — прошептал Апу.

— Дегradировал до формы яйца и сейчас покоится на территории Цзиньи. — Лусыэнь покачал головой. — Шанс на восстановление меньше одной тысячной.

Это была весть, в которой почти не осталось места для чуда.

Апу замолчал. После наблюдения за новой Матерью он был уверен, что тот совсем другой. К тому же... Апу тут же одернул себя, стараясь не думать о том, во что ему не положено лезть. Он лишь спросил:

— Так вы все еще собираетесь убить новорожденную Мать, господин?

— Возможно.

Лусыэнь дал уклончивый ответ:

— Полный вперед. Я хочу как можно скорее достичь пределов планеты №062.

Он выключил коммуникатор, отгоняя воспоминания о прошлом и образ черноволосой Матери на экране. Лусыэнь подумал, что ответы на некоторые вопросы он получит, только встретившись с ним лично.

— Есть!

Звездолет Иньцзя несясь сквозь безбрежный космос. В нескольких световых годах от них, под алыми знаменами, двигался флот Ангэсу Синхуна.

В личной каюте Ангэсу, «услышав» тот же зов Матери, в приступе ярости разбил кулаком зеркало. Осколки впились в его обнаженную грудь, оставляя тонкие красные полосы, которые тут же исчезали под кожей.

Тайные алые узоры вспыхнули и погасли. Ангэсу, с мокрыми волосами после душа, выглядел мрачно. Позади него мелко дрожали красные крылья — от лопаток до поясницы, где на стыке крыльев виднелся старый багровый шрам, похожий на уродливую многоножку.

Эти крылья были частью его души, но сейчас они казались чужеродными и непослушными. Ангэсу взглянул в осколок зеркала, и в его глазах на мгновение мелькнула такая жестокость, что она показалась вспышкой падающей звезды.

Перед глазами до сих пор стояло лицо предыдущей Матери, а боль от ожогов на крыльях была настолько сильной, что спустя годы он все еще просыпался в холодном поту, касаясь шрама на пояснице.

— Ни одна Мать не бывает хорошей! — прорычал он.

Словно пытаясь убедить самого себя. В бесконечной ненависти ему нужна была цель, чтобы выплеснуть гнев. И эта Мать, обладающая мощной ментальной связью с самого рождения, сама напросилась на удар.

Стоило Ангэсу вспомнить о предательстве и своих крыльях, которые уже никогда не поднимут его в небо, как ему хотелось вырвать голову Матери и раздавить ее сапогом.

Он прошептал:

— Я найду тебя, а потом убью.

<http://bllate.org/book/21239/2148748>